

Р. Н. Анисимов

Лексика ландшафта в составе фразеологизмов якутского языка, характеризующих человека

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Впервые в якутской фразеологии рассматриваются фразеологизмы якутского языка с лексемами, обозначающими ландшафт (предметы и понятия об окружающей природе): 'земля', 'водные стихии', 'древесная фауна', 'лес', 'гора', 'степь', 'плодовые растения', в сравнительном аспекте с тюркскими языками Южной Сибири (алтайским, тувинским, хакасским) и казахским языком с целью установления лексических параллелей ландшафтных слов-компонентов и выявления их фразеосемантических разрядов и фразеологических параллелей. В рамках фразеосемантического поля «качественно-оценочная характеристика человека» выявлены фразеосемантические разряды, репрезентирующие оценочное описание различных свойств человека: душевных качеств, темперамента, внешности, возраста, жизненного опыта, способностей, социального положения, поведения и других. Методом сравнительно-сопоставительного анализа выявлены лексические параллели ландшафтных слов-компонентов в рассматриваемых тюркских, а также в монгольских языках. Лексемы-компоненты, обозначающие предметы и понятия об окружающей природе, в составе якутских ФЕ, организующих фразеосемантическое поле «качественно-оценочная характеристика человека», являются на 90% исконно тюркского происхождения, в незначительном количестве встречаются слова монгольского происхождения (монголизмы). Отсутствие тунгусо-маньчжурских лексических параллелей говорит о недостаточном взаимодействии якутского языка с тунгусо-маньчжурскими языками в формировании фундаментального концепта ЧЕЛОВЕК в якутской фразеологической системе. Наличие определенного количества аналогичных семантически мотивированных фразеологизмов в якутском и казахском, тюркских языках Южной Сибири свидетельствует о том, что фразеологическая система тюркских языков имеет общие древние корни. Вместе с тем схожесть ассоциативных образов может быть обусловлена также и универсальными знаниями об окружающем мире и общечеловеческой природой. А национально-специфичные фразеологизмы якутского языка, не имеющие параллелей в родственных тюркских языках, подтверждают тезис о том, что формирование этих фразеологизмов протекало в процессе его развития в условиях неконтакта с последними. Перспективы исследования видятся в дальнейшей разработке теоретической основы и методологии фразеологической компаративистики тюркских языков.

Ключевые слова: фразеосемантическое поле, фразеологическая единица, фразеологизм, устойчивые сочетания слов, фразеологические параллели, этимология, слова-компоненты, качественно-оценочная характеристика лица, оценочные фразеологизмы, антропоцентризм.

DOI 10.25587/SVFU.2019.71.31946

АНИСИМОВ Руслан Николаевич – заместитель директора Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова.

E-mail: teployakutia@mail.ru

ANISIMOV Ruslan Nikolaevich – Researcher of Olonkho Researcher Institute M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

R. N. Anisimov

Landscape Vocabulary as Part of the Yakut Phraseological Units Characterizing a Person

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The focus of the paper is presented by the Yakut phraseological units with landscape components (subjects and concepts about the environment) - "earth, ground", "water", "tree", "forest", "mountain", "steppe", "fruit plant" in comparison with Turkic languages of South Siberia (Altaic, Tuvin, Khakass) and Kazakh language with the aim to determine lexical parallelisms of landscape component words, phraseosemantic types and phraseological parallels.

In the phraseosemantic field "qualitative-evaluative characteristic of a person" the phraseosemantic types representing evaluative description of human ability: moral qualities, temperament, appearance, age, life experience, skills, social position, behavior etc., were found out. Using comparison and contrast methods we determined lexical parallels of landscape component words in Turkic languages, also in Mongolian and Tungus. Lexeme components denoting objects and concepts about the environment, as part of the Yakut phraseological units, which organize the phraseosemantic field "qualitative-evaluative characteristics of a person", are 90% of the Turkic origin, words of Mongolian origin (mongolisms) are found in insignificant numbers. The lack of Manchurian-Tungus lexical parallels indicates a lack of interaction between the Yakut language and the Tungus-Manchurian languages in the formation of the fundamental concept of a MAN in the Yakut phraseological system. The presence of a certain number of similar semantically motivated phraseological units in the Yakut and Kazakh, Turkic languages of Southern Siberia indicates that the phraseological system of the Turkic languages has common ancient roots. At the same time, the similarity of associative images explains the same knowledge about world around and nature. The national specific phraseological units without parallels with related Turkic languages confirm the thesis about forming these units in noncontacting time. In prospect we see updating of the theoretical basis and methodology by Turkic phraseological comparativistics.

Keywords: phraseosemantic field, phraseological unit, phraseologism, stable phrase, phraseological parallels, etymology, component words, qualitative-evaluative characteristic of face, evaluative phraseologism, anthropocentrism.

Введение

В современном якутском языкознании все более расширяются границы исследований проблемы происхождения и исторического развития якутского языка, большой интерес лингвистов вызывают особенности формирования лексической и фразеологической системы языка. Как известно, якутский язык отделился от других тюркских языков в глубокой древности и прошел собственный длительный путь развития, сохранив древние черты. В этом плане особенно интересной для проведения исследований представляется фразеология, поскольку в ней сконцентрированы в большей степени культурно-исторический опыт и образная картина мира народа. Наиболее продуктивным для установления общетюркского пласта и определения национально-культурных особенностей фразеологических единиц (ФЕ) якутского языка, на наш взгляд, является изучение языкового материала якутского языка в аспекте фразеологической компаративистики.

В настоящее время немало научных работ посвящено исследованию структурных и семантических особенностей фразеологических единиц якутского языка. Детально изучена глагольная фразеология [1], соматическая фразеология [2]. Богатейший языковой материал собран и представлен в отдельных фразеологических и толковых

словарях. Затронуты вопросы стилистики, синтаксиса, методики научного анализа фразеологизмов. Проводятся семантические анализы якутских фразеологизмов в лингвокультурологическом [3, 4], сопоставительном аспекте с неродственными языками, также начато установление якутско-монгольских фразеологических параллелей [5]. Следует отметить, что сравнительное изучение фразеологической системы якутского языка с привлечением родственных тюркских языков ранее не проводилось.

В данной работе ставится проблема сравнительного изучения фразеологии якутского языка с родственными тюркскими языками. Предпринимается попытка сравнительно-сопоставительного анализа фразеологизмов якутского языка с компонентами-наименованиями ландшафта, который нами понимается как когнитивная модель, изображающая природные объекты и явления как фрагмент картины мира носителей языков. В ходе исследования выявлены наиболее фразеобразовательно активные слова-компоненты, обозначающие ландшафт: 'земля', 'водные стихии', 'древесная фауна', 'гора', 'степь', 'плодовые растения'. В составе фразеологизмов они организуют семантику «качественно-оценочной характеристики человека», репрезентирующую оценочное описание внутренних свойств, душевных качеств, темперамента, внешности, возраста, жизненного опыта, способностей, социального положения, поведения и прочих качеств человека.

Цель данной статьи – установить лексические параллели ландшафтных слов-компонентов якутского языка в родственных тюркских языках Южной Сибири (алтайском, хакасском, тувинском), казахском языках, выявить их фразеосемантические разряды и фразеологические параллели, образующие фразеосемантическое поле «качественно-оценочная характеристика человека».

Как ранее было установлено Н. К. Антоновым, в лексической системе якутского языка именные основы, обозначающие предметы и понятия об окружающей природе, в целом представляют пеструю картину: «...встречается много монголизмов и эвенкизмов, воспринятых в связи с хозяйственным освоением северной таежной природы при совместном проживании с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими народами, однако они носят характер явного позднего напластования» [6, с. 10]. Вместе с тем предпринимаемое нами толкование фразеобразования и выявление истоков происхождения якутских ландшафтных компонентов должны показать, какие предметы и понятия об окружающей природе легли в образно-мотивационную основу фразеологических единиц, характеризующих фундаментальный концепт ЧЕЛОВЕК, а также определить роль фразеологизмов в мировосприятии лингвокультурной общности тюркских языков и, в частности, якутского языка.

Фразеологический материал, анализируемый в статье, извлечен из доступных лексикографических источников якутского [7-10], алтайского [11], хакасского [12-13], тувинского [14], казахского [15] языков.

Основными методами и приемами исследования являются методы сравнительно-сопоставительного, компонентного, лексико-статистического анализа.

ФЕ с компонентом *сир* ~ *чер* ~ *чир* 'земля'

В этнокультурной картине мира якута *сир* 'земля' (пратюркское название **jer*) есть обиталище, в котором существует род человеческий, природные явления и все окружающие человека живые существа, представляется как средний мир между верхним и нижним.

В этом земном пространстве человеку чуждо быть бесполезным, влачить жалкое существование. Таких индивидов в якутском и тувинском обществах характеризуют с пренебрежительной оценкой: як. *кун сирин көптөбүрдэн сылдыар киһи* – бесполезный человек. Букв. человек, который засоряет собою землю под солнцем [9, с. 260], либо як. *сири бааһьрдан* – букв. нанося рану земле [9, с. 119]; тув. *чернин чечкээ, сугун сускаа* – букв. отщепенец земли, остаток воды. В Древнетюркском словаре зафиксировано

устойчивое предложение: *negükä jorir men bu jerdä quruy* ‘зачем мне ходить без пользы по этой земле’ [15, с. 469], семантика которого ещё раз подтверждает извечный постулат жизни о «полезности/бесполезности» каждого человека в обществе, срединном мире.

В якутском социуме большим уважением пользуется *сир туннүгэ киһи* – человек большого ума, обладающий обширными знаниями, мудрец. Букв. *человек, являющийся окном земли*. В народной картине мира это «жрец, который обладал мудростью и мог совершать ритуалы», а окно – это «канал для общения земли с космосом, при помощи которого обогащалось сознание биосферы» [16, с. 84].

Фразеологическая единица с компонентом *сир* в значении ‘грунт, почва’, в сторону которого спроецировано положение объекта, несет семантику оценки предельной истощенности – объективного признака внешности человека: *сиргэ тиийэ дьүдэйбит* – букв. *отощал до земли* [9, с. 116]. А положение, исходное от грунта, почвы, эксплицирует семантику субъективной оценки красивой, опрятной, с хорошими манерами, с легкой походкой девушки: *сиртэн-буортан тэйбит курдук* – букв. *словно отскочившая от земли* [9, с. 121].

В якутском языке компоненты *сир* и *буор* в составе ФЕ, включающих также соматизмы, эксплицируют индивидуальное качество субъекта – характеристику злого, жестокого человека: *сир-буор сырайдаах* – букв. *имеющий лицом землю* [17, стб. 2478]; *буор мангалай* – букв. *земляная утроба*; оценку скупого, жадного и бесстыжего человека: *хара буор* – букв. *(как) черная земля* [17, стб. 560]. В мотивационном основании данных ФЕ лежит негативный образ «вора, едящего вместе с землей спрятанное им в погребе мясо украденной скотины» [17, стб. 1522-1523].

Также в якутском языке используется устойчивое сочетание *буор саха* – букв. *земляной якут*, который интерпретируется как «истинный якут, неиспорченный чужой цивилизацией»; в олонхо подчеркивается, что сущность человека из племени ураанхай-саха воссоединена с землей плотью своей» [18, с. 16]. Якутская лексема *буор* (тув. *por*) восходит к пратюрк. *bo:r* ‘глина’ [19, с. 376].

В тувинском языке компонент *чер* ‘земля’ используется для характеристики сенсорных способностей человека: *чер кулактыг* – имеющий чуткий слух, всеслышащий, букв. *с земным ухом*, то есть ‘такой же чуткий, как земля’ [20, с. 102].

В хакасском языке лексема *чир* ‘земля’ участвует в оценочной характеристике поведения человека: *чирге сынмас* – неуживчивый. Букв. *на земле не вмещающийся* [12, с. 108], в семантике которого даются «сведения о неспособности земли носить на себе людей с трудным, тяжелым характером» [21, с. 340].

ФЕ с компонентом-наименованием водных стихий

У многих народов мира воззрения о плодоносящем, порождающем начале были связаны с водоемами, в основе чего лежало древнее восприятие воды в качестве всеобщего начала [18, с. 161]. Общеизвестно, что тело человека на 80% состоит из воды, и данное знание находит отражение в организации семантики фразеологизмов. Так, в якутском и хакасском языках ассоциативно-образное знание о воде обобщается в устойчивых сочетаниях, характеризующих самого человека: як. *уу долгун тыыннаах* – букв. *с дыханием как водяная волна* [17, стб. 733]; хака. *харах суглыг* – букв. *глаза с водой* [12, с. 101]. Якутский компонент *долгун* ‘волна, волнение воды, буря’ считается монголизмом [22, с. 66].

Жидкость в языческом сознании нередко соотносится с речью [23, с. 76]. В якутском, хакасском, казахском языках человек красноречивый, умеющий свободно, гладко говорить, характеризуется фразеологизмами: як. *уу тэстибэтинэн санарар киһи* – букв. *говорит так (складно), что и вода не просочится* [8, с. 16]; хака. *суг тиллиг* – букв. *с водяным языком* [11, с. 77]; каз. *судай біледі* – букв. *говорит как вода бежит* [14, с. 161]. Вместе с тем в якутском языке компонент уу ‘вода’ в составе ФЕ используется для негативной

оценки человека в значении 'пустослов, пустомеля, болтун': уу ньамаан тыллаах – букв. с жидкой водянистой речью.

Вода в якутском языке символизирует невинность, непорочность: уу тунгуй – нравственно чистый, целомудренный [24, с. 119]. Но в то же время лексема уу 'вода' в составе устойчивого сочетания слов репрезентирует оценочную характеристику негативного поведения лица: уу уллунгах 'человек, ведущий непоседливый образ жизни', букв. водяная подошва [9, с. 287]; ууга уймаммат киһи 'хулиган, пройдоха, ловкач', букв. не касается воды [9, с. 281].

В якутском языке лексема-компонент *далай* 'масса воды в одном месте, водный мир, большая вода, многоводное море' [17, стб. 668] в составе ФЕ моделирует оценочную семантику терпеливости, выдержанности человека: *далай тулуйуулаах* – букв. с морем терпения [17, стб. 668]. Якутское *далай* имеет тюрко-монгольские лексические параллели: др.-тюрк. *талуй* 'море' «отмечено уже в памятнике Кюль-Тегина, умершего в 731 г.» [26, с. 159]; п.-монг. *dalai* 'море, океан; большое озеро'; монг. *далай* 'океан, море' [25, с. 70].

Другая якутская лексема, обозначающая 'море', – *байбал* участвует в оценочной характеристике предприимчивого человека, не боящегося риска: *баһа – байбал*, (*кутуруга – куйаар*) – букв. голова его – море, (хвост его – безвестная даль). Так «говорят о людях, ведущих много рискованных предприятий, исход которых предвидеть нельзя» [7, с. 120]. Восприятие предприимчивых людей в якутском обществе неоднозначное, о чем Р. И. Бравина пишет следующее: «<...> идеалом саха традиционного времени был человек тихий, уравновешенный, сдержанный, внешне не проявляющий свои эмоции, в то же время якуты не скрывали своего восхищения людьми с отчаянными головами, которые не боялись рисковать для счастья» [18, с. 150]. Таким образом, данное устойчивое сочетание в речи можно использовать как с положительной, так и с отрицательной коннотацией.

Якутская лексема *байбал* 'море, обилие, богатство вод; океан' обычно сводится к тюрк. *бай* 'богатый' + тюрк. *көл* 'озеро'. Также существует мнение, что *байбал* – монголизм: бур. *байгаал* 'большой водоем, множество воды, обширный бассейн'. Так, якутскую лексему *байбал*, как и *далай*, можно считать общетюрко-монгольским словом [26, с. 112].

Якутский *өрүс* 'водный поток, река' участвует в проявлении семантики образной характеристики скупого, жадного человека: *өрүскэтигэр өрүскэ түспүт* – букв. от жадности упал в реку [8, с.117]. А 'исток небольшой реки, речки' *үрэх* в якутском сознании ассоциируется с отдаленностью, периферийностью, и человек, живущий в том месте, представляется отсталым от жизни, темным: *үрэх баһынаабы киһи* – букв. человек, находящийся в верховьях речки [17, стб. 398].

Существует мнение, что якутские лексемы *өрүс* 'водный поток, река' и *үрэх* 'речка', вероятно, представляют собой старый монголизм с суффиксацией, соответствующий общетюркскому *ö:z* [19, с. 90] < пратюрк. **örs*, **örs-en*, ср. монг. **urus*- 'течь', **usu-n* < **ursu-n* 'вода' с регулярным развитием сочетания [27, с. 36]. В то же время Н. К. Антонов и Г. Г. Левин як. *өрүс* 'водный поток, река' сопоставили с орх. *јүгүз* и уйг. *эгүз* 'лужа, скопление талой воды', а як. *үрэх* 'речка' с др.-тюрк. *арых* [6, с. 15], [28, с. 123].

В якутском языке гидроним *күөл* 'озеро' участвует в фразеологизации оценки глупого, неумного человека: *күөл акаары* – букв. озерный дурак [9, с. 263], а в алтайском языке используется при характеристике внешности человека: *көл кеберлү көс* – черные, блестящие глубокие глаза, букв. как озера глаза [10, с. 118]. Гидроним *күөл* ~ *көл* 'озеро' имеет общетюркское распространение, а также широко представлен и в других языковых семьях (ср.-перс. *kwl* 'яма'; уральск. **kell* 'пруд, болотце, речной залив'; дравид. **k/o/la* 'водоем, пруд'; сем.-хам. **k^hl* 'водоем, река' [27, с. 379]).

В якутском языке наблюдается фразеологизация с участием компонентов, представляющих названия атмосферных осадков *хаар* 'снег' и *ардах* 'дождь', которые

выражают компаративную оценку внешних качеств человека: *хаар курдук астаах* – букв. *с белыми, как снег, волосами, совершенно седой* [17, стб. 3329]; *хаар курдук эттээх* – *с телом белым, как снег* [17, стб. 3329].

Хаар в значении ‘выпавший на всю зиму снег’ в якутской лингвокультуре служит мерилем для номинации возраста в отношении старого, пожилого человека: *хаара ылла* ‘он постарел’ [17, стб. 3329], букв. *снег его (возраст) взял*, (ср. рус. ‘годы берут’). Также *хаар* ‘снег’ выступает смыслообразующим компонентом семантики ФЕ, характеризующей человека прямодушного, благонаправленного, *сыа хаары быспат* – букв. *человек, не бороздящий мягкого снега*. [7, с. 171]. А устойчивое сочетание *арай хаарга үктэммитэ кырдьык* – букв. *у него только следы, оставленные на снегу, правдивы* [9, с. 107] репрезентирует негативный фразеологический образ лжеца, обманщика. Якутский компонент *хаар* ‘снег’ (орх. *qar*; ср.-кыпч. *qar*; ср.-огуз. *qar*; каз. *qar*; алт. *qar*; тур. *kar*; хак. тув. тоф. *har*) восходит к пратюрк. **qār*. В якутском и тувинском языках *хаар* ~ *хар* ‘снег’ приобрело переносное значение ‘год, возраст’ [27, с. 362].

Ардах ‘дождь’ в якутском языке участвует в номинации слабого здоровьем, болезненного, постоянно недомогающего человека: *ардах кииһи* – букв. *дождливый человек* [17, стб. 147]. В основании данной ФЕ, возможно, лежит представление о воде как источнике болезней, несчастья.

По предположению Н. И. Даниловой, первичным номинативным значением слова *ардах* в якутском языке было ‘непогода, ненастье, ненастная (дождливая или снежная) погода’, которое затем в результате семантического сдвига стало пониматься как ‘дождь’. Этимология якутского *ардах*, по-видимому, происходит от якутской глагольной основы *ардаа* ‘быть ненастным, дождить’, который сопоставляется с др.-тюрк. *арта-*, общетюрк. *арда-* ‘портиться, гибнуть; разрушаться’ [29, с. 153-155].

ФЕ с компонентом-наименованием древесной фауны

В рамках рассматриваемого фразеосемантического поля особую группу составляют ФЕ с компонентами названий древесной фауны, в основном, представителей лесотаяжной зоны.

Древнетюркское изречение *sögüt süliñä qadıñ qasıña* ‘ива известна своей свежестью, береза корой (твердостью)’ употребляется в переносном значении – ‘у каждого человека, как у каждой вещи свое характерное свойство’ [15, с. 404]. Так, в традиционном сознании тюркских народов символика дерева, как и в других лингвокультурах, связана «с анимистическими представлениями, поэтому она более архаична. В них связь человека с деревом носит магический характер, вследствие чего все признаки дерева переносились на человека» [30, с. 42].

Почти во всех тюркских языках для обозначения дерева используется лексема *аҕач*, *аҕаш*, *агач* [27, с. 242], (орх. *ууаҕ*; др.-уйг. *ууаҕ*; ср.-кыпч. *ауаҕ*; тур. *ауаҕ*; каз. *ауаҕ*; алт. *ауаҕ*; хак. *ауас*; тув. *ујаҕ*). Общетюркская лексема восходит к пратюрк. основе **ууаҕ*, который считается универсальным обозначением дерева, а другие типа **terek* (параллелен с як. *тирэх* ‘тополь’) носят ареальный характер [19, с. 104]. Вместе с тем небезынтересно заметить, что только в якутском языке дерево называют словом *мас*, которое сравнивается с уйг. лексемой *маш* ‘растение семейства бобовых’ [24, с. 242]. Однако Н. К. Антонов якутское *мас* считал возможным монголизмом, сопоставив с монг. *мод(он)* ‘дерево, лес; древесина, бревно’, которое в древности при словопроизводстве утрачивало конечное *дон* [6, с. 24]. Так, якутский компонент *мас* ‘дерево’ участвует во фразеологизации оценки умственных способностей человека: *мас акаары* – букв. *дурак как дерево*; *деревянная башка* [17, стб. 1533], оценки индивидуального качества лица – наивно простодушного человека: *мас хайдыбытыны көнө* – букв. *прямой, как колотое дерево* [9, с. 11].

Несмотря на то, что в алтайском, тувинском, хакасском, казахском языках обнаруживаются устойчивые сочетания слов с компонентами названий древесной фауны,

в современном якутском фразеобразовании они прямых аналогий не имеют. Так, в данных тюркских языках установлены следующие компоненты древесной фауны в составе ФЕ.

В древнетюркском и казахском языках лексическая единица *tal* ~ *тал* 'ива' в составе ФЕ номинирует женскую стройность, гибкость, красивую походку: др.-тюрк. *tal bodluu* – букв. с телом как *тал* [15, с. 108]; каз. *тал шыбыктай (бұралган)* – букв. *гибкая, как ветка ивы* [14, с. 170]; для сравнения: *талах* 'ива' в якутском языке участвует в номинации жизненного опыта: *иэмэх талахтыы эриллибит* – букв. *закалился как легкогнувшаяся ива* [24, с. 170].

В древнетюркском и алтайском языках сильные мышцы и крепкий стан человека сравниваются с берёзой *qajıŋ* ~ *кайың*: др.-тюрк. *qajıŋ teg bodum erdi* 'стан мой был крепким, как берёза' [15, с. 407]; алт. *бырчыт кайың балтырлу* – букв. с крепкими берёза-мышцами [10, с. 56].

В тувинском языке стройная фигура человека сравнивается с пихтой – хвойным деревом, относящимся к семейству сосновых: *чойгандег сынныг* – букв. *со станом, как пихта* [13, с. 114].

В хакасском языке компонент 'береста' *тос* в составе ФЕ описывает человека с бледным лицом (бледнолицего): *ах тос сырайлыг* – букв. с лицом белой бересты [12, с. 654]. Все вышеприведенные примеры устойчивых сочетаний с компонентом названия древесной фауны входят в фразеосемантическую группу оценки внешних качеств человека.

В якутском языке наблюдается национальная специфика при наборе компонентов названий древесной фауны в составе фразеологических единиц, характеризующих фундаментальный концепт ЧЕЛОВЕК. Установлены компоненты как исконно тюркского происхождения, так и лексемы, имеющие прямую лексико-семантическую параллель с монгольскими и тунгусо-манчжурскими языками.

Так, в якутском языке лексема *тиит* 'лиственница' (тув. *dyt*; тоф. *tyt*; хака. *tyt*; шор. *tyt*; др.-уйг. *tyt*), восходящая к общетюркской праформе **iīt* [27, с. 402], в составе ФЕ номинирует внешнее качество лица – рост человека соотносится с образом высокого дерева: *тиит саба бэйэлээх* – 'сам он вышиной с лиственницу' [17, стб. 424]. Следует заметить, что в языковой картине мира якутов *тиит* 'лиственница' большей частью сравнивается с юношами.

Слова-компоненты *чаллах* и *силиргэх* 'корень дерева' в составе якутских ФЕ, характеризующих человека, моделируют семантику 'крепкий, плотного сложения, мускулистый': *эт чаллах киһи* – букв. человек, как корень лиственницы [9, с. 411], *силиргэх курдук* – букв. как корень дерева (человек) [9, с. 386]. Якутский *чаллах* 'корень дерева' сравнивается в словаре Пекарского с джаг. *чал* 'корень дерева' [17, стб. 3562], а компонент *силиргэх*, вероятно, образован от якутского образного слова *силир*, описывающего 'крепость, твердость'+ *гэх*, именной аффикс [17, стб. 2220].

В якутском языке лексема *харыйа* 'ель' используется в общей оценке чрезвычайно упрямого, несговорчивого человека: *харыйаны таннары соспун курдук* – букв. как ель, которую волокут в обратном направлении [7, с. 114]. Якутское слово *харыйа* 'ель' находит прямую параллель в тюркских языках Сибири с лексемой *garayaj* 'сосна', которая «проходит по алтайскому, шорскому, а также хакасскому языкам (за исключением абаканского говора, качинского диалекта и кызыльского диалекта)» [31, с. 11].

С участием древесных компонентов *силис* 'корень' и *мутук* 'сук' организуются ФЕ с семантикой оценки на основе семейно-родственных отношений. Они репрезентируют экспрессивное отношение к одинокому человеку, не имеющему родственников, семьи и близких: *силитэ-мутуга суох* – букв. без корней и сучьев [9, с. 112]. Так, якутская лексема *силис* 'корень' сравнивается с др.-тюрк. *йылдыз* 'корень, основание' [24, с. 388], а якутская *мутук* 'сук' находит параллель с общетюркским *бутах*, *бутых* в том же значении [32, с. 286].

Якутское слово *дүлүн* ‘чурбан’, связанное с хозяйственной деятельностью, имеет параллель по фоно-структурному признаку в бурятском языке с лексемой *нулэ* ‘чурбан’ [19, стб. 757]. С участием данной лексики создается фразеологический образ тихого, скромного человека: *сытар дүлүнү атыллаабат киһи* – букв. человек, не переступающий через лежащее бревно [9, с. 169]. Также якутский *дабархай* ‘древесная смола, сера’ сравнивается с монг. *давиркай* в том же значении [22, с. 66] и в составе якутской ФЕ характеризует скупого и жадного человека *дабархай сүүрбэт киһитэ* – букв. человек, у которого не течет смола.

В якутском языке понятие ‘благосостояние, сытая жизнь’ отражается в семантике ФЕ *сыбар олохтоох* – живущий в роскоши, где компонент *сыбар* ‘чаща, мелкий, но густой (непроходимый) лес, труппа, кустарник’ имеет лексико-семантическую параллель в тюркских языках: каз. диал. *шубар* ‘место, изобилующее растительностью’, туркм. *сүмме* ‘непроходимый, дремучий (лес)’ [24, с. 360] и в монгольских языках: бур. *шібэр* ‘чаща’, монг. *сйбер* ‘чаща, лесок, орешник’ [17, стб. 2428].

Базовый компонент *ойуур* ‘лес’ в составе якутских ФЕ номинирует эпического ‘защитника, опору своего племени (семьи)’: *суон ойуур курдук дурда, халын ойуур курдук хахха* – защита, словно густой лес, ограда, словно дремучий лес [7, с. 82]. В образно-мотивационном основании данной ФЕ компонент *ойуур* ‘лес’ представлен положительным образом защиты и ограды от враждебных сил *абаасы* для людей Среднего мира, вместе с тем иногда ментальный образ леса в представлениях якутов «отождествлялся с ‘иномирьем’ и ассоциировался с ‘чужим’ пространством» [33, с. 31].

Лексема *ойуур* ‘лес’ в якутском языке считается по фоно-структурному признаку безэквивалентной лексемой по отношению к родственным тюркским языкам. В тюркских языках ‘лес’ обозначают несколькими лексемами: 1. **orman* (тур. *orman*; каз. *orman*); 2. **ayaçlyq*; 3. **aryu* (др.-уйг. *aryu*; хак., тув., тоф. *aryu*, як., долг. *aryu*); 4. **toqoi* (каз. *toqaj*; кирг. *toqaj*; уйг. *toqaj*); 5. **day* (як., долг. *tya*); 6. **žengel* (каз. *ženjel*) [19, с. 110-111]. Вместе с тем входящий в состав ФЕ якутский компонент *ойуур* ‘лес’ Н. К. Антонов сопоставляет с монг. *ой* ‘лес’; бур. *ойбур* ‘в лес’ [6, с. 23]. Ранее установлено, что якутский аффикс –*уур* относится к непродуктивным и омертвелым формам, имеющим монгольское происхождение, первоначально имевшим вид –*бур* [34, с. 120].

ФЕ с компонентом ‘Гора, степь’

В алтайском, тувинском и хакасском языках компоненты названия ландшафта *кырлан* ‘горный хребет’ и *казы* ‘степь’ в составе ФЕ описывают внешнее качество человека: 1) оценка прямого, красивого, без горбинки носа: алт. *коо кырлан тумчукту* – букв. с горой носом [10, с. 31], тув. *кырлан думчук* – букв. горный хребет-нос [13, с. 86]; 2) оценка широколицего, мордатого человека: хак. *казы сырай* – букв. лицо степь [12, с. 923]. В якутском языке не обнаруживается экспрессивно сравнительных фразеологизмов с подобным набором компонентов.

ФЕ с компонентом названия плодовых растений

В рассматриваемых тюркских языках растительная метафора лежит в образной характеристике внешних качеств человека – оценке эталонной красоты черных, блестящих глаз: як. *моонньофон хара харахтаах* – букв. с черными смородиновыми глазами; алт. *бороһоттый көс* – букв. как смородина глаза; хак. *харагат харахтыг* – букв. со смородиновыми глазами; каз. *қарақат көзди* – букв. смородина глаза; тув. *чодураа дег карактыг* – букв. с глазами как черемуха [13, с. 537]. Из этого можно заключить, что у тюркских народов красивым и эталонным считается именно эстетический идеал черных и блестящих глаз.

Как отмечает М. Л. Ковшова, «пора молодости соотносима с порой цветения, и поэтому растительная метафора лежит в основании многих фразеологизмов» [35, с. 613]. Это подтверждается и материалом якутского языка: ФЕ *буспут дьэдьэн курдук* – букв.

как спелая земляника, которая символизирует 'здоровье, красоту, свежий вид' человека [12, с. 146].

Якутская лексема *моонньофон* 'смородина' имеет тюрко-монгольские параллели: кирг. *tojul*, каз. *tojyl*, монг. *tojil-su* 'черемуха' [19, с. 397]. Якутский компонент *дьэдьэн* 'земляника' сравнивается с бур. *зедегене* в том же значении [36, с. 520].

Таким образом, рассмотренный материал якутского и других тюркских языков выявляет следующие лексические параллели слов-компонентов и их фразеосемантические разряды:

а) в якутском языке выявлены лексемы-компоненты, обозначающие предметы и понятия об окружающей природе, имеющие лексические параллели как в тюркских, так и в монгольских языках: 1. 'море' – як. *далай* // тюрк. *далай* // монг. *далай*; 2. як. *байбал* // тюрк. *бай+көл* // бур. *байгаал* 'море; большой водоем, множество воды, обширный бассейн'; 3. 'река' – як. *өрүс* // пратюрк. **örs, *örs-en* // орх. *յջյժ* // уйг. *эгүз* 'лужа, скопление талой воды' // ср. монг. **ursu-n* 'вода'; 4. 'дерево' – як. *мас* // уйг. *маш* 'растение семейства бобовых' // *мод(он)* 'дерево, лес'; 5. як. *моонньофон* 'смородина' // кирг. *tojul* // каз. *tojyl* // монг. *tojil-su* 'черемуха'; 6. як. *сыбар* 'чаша' // казах. диал. *шұбар* 'место, изобилующее растительностью', туркм. *сүмме* 'непроходимый, дремучий (лес)' // бур. *шібэр* 'чаша', монг. *сйбер* 'чаша, лесок, орешник'. Однако из этих лексических параллелей в создании ФЕ участвуют лишь якутские слова-компоненты, которые создают фразеосемантические разряды, характеризующие человека: 'море' *далай* → 'спокойствие, терпеливость'; як. *байбал* → 'предприимчивый, не боящийся риска'; 'река' *өрүс* → 'скудость, жадность'; 'дерево' *мас* → 'дурак', 'простодушный'; *моонньофон* 'смородина' → 'черные, блестящие глаза'; 'чаша' *сыбар* → 'роскошь';

б) обнаружены якутские лексемы-компоненты, обозначающие предметы и понятия об окружающей природе, имеющие лексические параллели в тюркских языках, из них ряд компонентов входит в состав ФЕ, которые устанавливают фразеологические параллели со следующими фразеосемантическими разрядами, характеризующими человека: 'вода' *уу* → 'красноречивость' (хак., як.); 'земля' *сир* → 'бесполезность' (як., тув., др.-тюрк.).

Якутские лексемы исконно тюркского происхождения, организующие фразеосемантические разряды, присущие только якутскому фразеобразованию: 'земля' *буор* → 'бесполезность'; 'вор'; 'бесстыдство'; 'злость'; 'безземельность'; 'скудость'; 'вода' *уу* → 'скромность'; 'пустословие, болтливость'; 'человек'; 'пройдоха'; 'непоседливость'; 'невинность, непорочность'; 'озеро' *күөл* → 'пьянство'; 'глупость'; 'речка' *үрэх* → 'малоразвитость'; 'снег' *хаар* → 'лживость'; 'пустословие'; 'скромность'; 'старость'; 'белотелость'; 'гора' *хайа* → 'оценка глаз'; 'бедность'; 'грубость'; 'лиственница' *тиит* → 'высокий рост'; 'ель' *харыйа* → 'простодушие'; 'корень дерева' *чаллах* → 'крепкое телосложение'; 'корень и сучья' *силис-мутук* → 'родовитость, безродность'; 'трава' *от* → 'тонкорукий, тонконогий'; 'скромность'; 'дождь' *ардах* → 'хилость, болезненность';

в) якутские лексемы-компоненты, обозначающие предметы и понятия об окружающей природе, имеющие лексические параллели в монгольских языках и считающиеся монголизмами: як. *дабархай* // монг. *давиркай* 'древесная смола, сера'; як. *ойуур* // монг. *ой* 'лес'; як. *дулун* 'обрубок дерева' // бур. *нүлэ* 'чурбан'; як. *дьэдьэн* // бур. *зедегене* 'земляника' // монг. *эдэгэнэ* 'клубника'. Эти монголизмы в составе якутских ФЕ организуют следующие фразеосемантические разряды, характеризующие человека: *дабархай* → 'скупой, жадный'; 'обрубок дерева' *дулун* → 'скромность'; 'враль'; 'земляника' *дьэдьэн* → 'здоровый вид'.

Заключение

Итак, как показывает рассмотренный нами фразеологический материал, лексемы-компоненты, обозначающие предметы и понятия об окружающей природе, в составе якутских ФЕ, организующих фразеосемантическое поле «качественно-оценочная

характеристика человека», являются на 90% исконно тюркского происхождения, в незначительном количестве встречаются слова монгольского происхождения. Отсутствие тунгусо-маньчжурских лексических параллелей говорит о недостаточном взаимодействии якутского языка с тунгусо-маньчжурскими языками в формировании фундаментального концепта ЧЕЛОВЕК в якутской фразеологической системе.

Наличие определенного количества аналогичных семантически мотивированных фразеологизмов в якутском и казахском, тюркских языках Южной Сибири свидетельствует о том, что фразеологическая система тюркских языков имеет общие древние корни. Вместе с тем схожесть ассоциативных образов может быть обусловлена также и универсальными знаниями об окружающем мире и общечеловеческой природой. А национально-специфичные фразеологизмы якутского языка, не имеющие параллелей в родственных тюркских языках, подтверждают тезис о том, что формирование этих фразеологизмов протекало в процессе развития якутского языка в условиях неконтакта с последними.

Л и т е р а т у р а

1. Нелунов А. Г. Глагольная фразеология якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 125 с.
2. Готовцева Л. М. Фразеологические единицы с соматическим компонентом языка саха как объект сопоставительного изучения: дисс. ... канд. филол. наук. – Якутск, 1994. – 218 с.
3. Готовцева Л. М. Традиционная одежда якутов: лексико-фразеологические и лингвокультурные аспекты // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – Т. 15. – № 2. – С. 81-90.
4. Готовцева Л. М., Николаева Т. Н., Прокопьева А. К. Базовые бинарные концепты как фрагменты языковой картины мира якутов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2017. – № 3 (17). – С. 21-30.
5. Нелунов А. Г. Якутско-монгольские фразеологические параллели // Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских и монгольских языков. Материалы Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 93-100.
6. Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1971. – 174 с.
7. Кулаковский А. Е. Научные труды. [Подготовили к печати: Н. В. Емельянов, П. А. Слепцов]. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 484 с.
8. Емельянов Н. В. Якутские пословицы и поговорки. – Якутск: Кн. изд-во, 1962. – 245 с.
9. Нелунов А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. Филиал «Гео», 2002. – Т. 1. – 287 с. – Т. 2. – 420 с.
10. Чумакаев А. Э. Алтайско-русский фразеологический словарь. – Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 2005. – 312 с.
11. Боргоякова Т. Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1996. – 144 с.
12. Хакасско-русский словарь / Под ред. Субраковой О. В. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1115 с.
13. Тувинско-русский словарь / Сост. Э. Р. Тенишев. – М: Самиздат, 2008. – 338 с.
14. Казахско-русский фразеологический словарь / Сост.: К. Х. Кожаметова, Р. Е. Жайсакова, К. Х. Кожаметова. Алма-Ата: Мектеп, 1988. 224 с.
15. Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
16. Егорова Л. И. Культ неба: истоки и традиции (на материалах текстов олонхо и лексики саха): монография; отв. редактор А. И. Гоголев. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. – 116 с.
17. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: В 3 т. 2-е изд. фотомеханич. / Пекарский Э. К. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
18. Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: На материале традиций саха. – Новосибирск: Наука, 2005. – 307 с.

19. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд. доп. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
20. Хертек Я. Ш. Фразеология современного тувинского языка. – Кызыл, 1978. – 100 с.
21. Чугунекова А. Н. Концепт *чир* ('земля') в языковой картине мира хакасов // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – №3(64). – С. 338-342.
22. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 116 с.
23. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд. центр. ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
24. Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2009. – Т.6.: – Л, М, Н. – 519 с.; 2011. – Т.8: С – сөллөбөр. – 572 с.; 2012. – Т.9: С – сөллөй – сээн, Һ. – 630 с.; 2013. – Т. 10: Т: т – төһүүлээ. – 575 с.; 2015. – Т. 12: У, Ү. – 598 с.
25. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск: Наука, 2002. – 388 с. (Т.П: Д, Ё, И, Й).
26. Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с. (Ч. 1: А – Дь).
27. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. – М.: Наука, 2006 с. – 908 с.
28. Левин Г. Г. Историческая связь якутского языка с древними тюркскими языками VII-IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками). – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 439 с.
29. Данилова Н. И. Наименования дождя в якутском языке // Россия: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Книга 2. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – С. 152-155.
30. Захарова А. Е. Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха (по материалам олонхо). – Новосибирск: Наука, 2004. – 312 с.
31. Широбокова Н. Н. Отражение языковых контактов в лексике тюркских языков Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 14. – Новосибирск, 2004. – С. 4-21.
32. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск: Наука, 2000. – 341 с. (Т.1: А-Б).
33. Романова Е. Н., Данилова Н. К. Концепт леса у периферийных групп северных тюрков // Общество: философия, история, культура. – 2015.– №6. – С. 75-77.
34. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / Под. ред. Е. И. Убрятовой, Е. И. Коркиной, Л. Н. Харитоновой, Н. Е. Петрова. – М.: Наука, 1982. – 496 с.
35. Ковшова М. Л. Понятие красоты в русской фразеологии и фольклоре: внешние и внутренние свойства человека // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. – С. 613-620.
36. Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – Т.3: Г, Д, Дь, И. – 844 с.

References

1. Nelunov A. G. Glagol'naya frazeologiya yakutskogo yazyka. – YAkutsk: Kn. izd-vo, 1981. – 125 s.
2. Gotovceva L. M. Frazeologicheskie edinicy s somaticheskim komponentom yazyka saha kak ob"ekt сопоставител'nogo izucheniya: diss. ... kand. filol. nauk. – YAkutsk, 1994. – 218 s.
3. Gotovceva L. M. Tradicionnaya odezhda yakutov: leksiko-frazeologicheskie i lingvokul'turnye aspekty // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2017. – Т. 15. – № 2. – S. 81-90.
4. Gotovceva L. M., Nikolaeva T. N., Prokop'eva A. K. Bazovye binarnye koncepty kak fragmenty yazykovoj kartiny mira yakutov // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. – 2017. – № 3 (17). – S. 21-30.

5. Nelunov A. G. YAkutsko-mongol'skie frazeologicheskie paralleli // Sravnitel'no-sopostavitel'noe izuchenie tyurkskih i mongol'skih yazykov. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – 2018. – S. 93-100.
6. Antonov N. K. Materialy po istoricheskoy leksike yakutskogo yazyka. – YAkutsk: Kn. izd-vo, 1971. – 174 s.
7. Kulakovskij A. E. Nauchnye trudy. [Podgotovili k pečati: N. V. Emel'yanov, P. A. Slepcev]. – YAkutsk: Kn. izd-vo, 1979. – 484 s.
8. Emel'yanov N. V. YAkutskie posloviy i pogovorki. – YAkutsk: Kn. izd-vo, 1962. – 245 c.
9. Nelunov A. G. YAkutsko-russkij frazeologicheskij slovar'. – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. Filial «Geo», 2002. – T. 1. – 287 s. – T. 2. – 420 s.
10. CHumakaev A. E. Altajsko-russkij frazeologicheskij slovar'. – Gorno-Altajsk: Institut altaistiki im. S. S. Surazakova, 2005. – 312 s.
11. Borgoyakova T. G. Kratkij hakassko-russkij frazeologicheskij slovar'. – Abakan: Izd-vo HGU im. N. F. Katanova, 1996. – 144 s.
12. Hakassko-russkij slovar' / Pod red. Subrakovoj O. V. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – 1115 s.
13. Tuvinsko-russkij slovar' / Sost. E. R. Tenishev. – M.: Samizdat, 2008. – 338 s.
14. Kazahsko-russkij frazeologicheskij slovar' / Sost.: K. H. Kozhahmetova, R. E. ZHajsakova, K. H. Kozhahmetova. Alma-Ata: Mektep, 1988. 224 s.
15. Drevnetyurkskij slovar' / Pod red. V. M. Nadelyaeva, D. M. Nasilova, E. R. Tenisheva, A. M. SHCherbaka. – L.: Nauka, 1969. – 676 s.
16. Egorova L. I. Kul't neba: istoki i tradicii (na materiala tekstov olonho i leksiki saha): monografiya; otv. redaktor A. I. Gogolev. – YAkutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2012. – 116 s.
17. Pekarskij E. K. Slovar' yakutskogo yazyka: V 3 t. 2-e izd. fotomekhanich. / Pekarskij E.K. – M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959.
18. Bravina R. I. Koncepciya zhizni i smerti v kul'ture etnosa: Na materiale tradicij saha. – Novosibirsk: Nauka, 2005. – 307 s.
19. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Leksika: 2-e izd. dop. – M.: Nauka, 2001. – 822 s.
20. Hertek YA. SH. Frazeologiya sovremennogo tuvinskogo yazyka. – Kyzyl, 1978. – 100 s.
21. CHugunekova A. N. Koncept chir ('zemlya') v yazykovoj kartine mira hakasov // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2017. – №3(64). – S. 338-342.
22. Rassadin V. I. Mongolo-buryatskie zaimstvovanie v sibirskih tyurkskih yazykah. – M.: Nauka, 1980. – 116 s.
23. Makovskij M. M. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simvoliki v indoevropskih yazykah: Obraz mira i miry obrazov. – M.: Gumanit. izd. centr. VLADOS, 1996. – 416 s.
24. Bol'shoj tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka: V 15 t. / Pod red. P.A. Slepceva. – Novosibirsk: Nauka, 2009. – T.6.: – L, M, N. – 519 s.; 2011. – T.8: S – sөllөҕөр. – 572 s.; 2012. – T.9: S – sөllөҕ – seen, h. – 630 s.; 2013. – T. 10: T: t – төһүүлээ. – 575 s.; 2015. – T. 12: U, Y. – 598 s.
25. Tatarincev B. I. Etimologicheskij slovar' tuvinskogo yazyka. – Novosibirsk: Nauka, 2002. – 388 s. (T.II: D, YO, I, J).
26. Popov G. V. Etimologicheskij slovar' yakutskogo yazyka. – Novosibirsk: Nauka, 2003. – 180 s. (CH. 1: A – D').
27. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Pratyurkskij yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka / Otv. red. E. R. Tenishev, A. V. Dybo. – M.: Nauka, 2006 s. – 908 s.
28. Levin G. G. Istoricheskaya svyaz' yakutskogo yazyka s drevnimi tyurkskimi yazykami VII-IX vv. (v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte s vostochno-tyurkskimi i mongol'skimi yazykami). – YAkutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2013. – 439 s.
29. Danilova N. I. Naimenovaniya dozhdya v yakutskom yazyke // Rossiya: Trudy X Vserossijskogo s"ezda vostokovedov, posvyashchennogo 125-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya vostokoveda Ahmet-Zaki Validi Togana. Kniga 2. – Ufa: IYAL UNC RAN, 2015. – S. 152-155.
30. Zaharova A. E. Arhaicheskaya ritual'no-obryadovaya simvolika naroda saha (po materialam

olonho). – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 312 s.

31. SHirobokova N. N. Otrazhenie yazykovykh kontaktov v leksike tyurkskih yazykov Sibiri // YAzyki korennykh narodov Sibiri. Вып. 14. – Novosibirsk, 2004. – S. 4-21.

32. Tatarincev B. I. Etimologicheskij slovar' tuvinskogo yazyka. – Novosibirsk: Nauka, 2000. – 341 s. (Т.1: А-В).

33. Romanova E. N., Danilova N. K. Koncept lesa u periferijnykh grupp severnykh tyurkov // Obschestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2015.– №6. – S. 75-77.

34. Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. Fonetika i morfologiya / Pod. red. E. I. Ubryatovoj, E. I. Korkinoj, L. N. Haritonova, N. E. Petrova. – М.: Nauka, 1982. – 496 s.

35. Kovshova M. L. Ponyatie krasoty v russkoj frazeologii i fol'klore: vneshnie i vnutrennie svojstva cheloveka // Logicheskij analiz yazyka. YAzyki estetiki: Konceptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo / Otv. red. N. D. Arutyunova. – М.: Indrik, 2004. – S. 613-620.

36. Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka / Pod red. P. A. Slepceva. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – Т.3: G, D, D', I. – 844 s.

Список использованных языков

Бур. – бурятский; **джаг.**– джагатайский (чагатайский); **долг.** – долганский; **дравид.** – дравидийский; **др.-тюрк.** – древнетюркский; **каз.** – казахский; **кирг.** – киргизский; **монг.** – монгольский; **орх.** – орхонский; **п-монг.** – письменно-монгольский; **пратюрк.** – пратюркский; **сем.-хам.** – семито-хамитские; **ср.-кыпч.** – средне-кыпчакский; **ср-огуз.** – средне-огузский; **ср-перс.** – средне-персидский; **тоф.** – тофаларский; **тув.** – тувинский; **тур.** – турецкий; **туркм.** – туркменский; **уйг.** – уйгурский; **уральск.** – уральские; **шор.** – шорский; **як.** – якутский;

